

Глава 10

Я ломал голову над этим моментом бесчисленное количество раз, проигрывая его снова и снова, иногда добровольно.

Я не знаю, как долго это длилось на самом деле, возможно, всего несколько секунд, но, насколько я помню, это воспроизводится в супер-замедленной съемке, обрамленной солнечным светом и мягким джазом, играющим на расстоянии.

Я совершенно уверен, что по крайней мере пытался остановить себя. Помню, был момент, когда я посмотрел на холодильник и подумал о слове: молоко.

Обычно я добавляю немного молока в свой кофе, но на самом деле я думал не о молоке, я полагаю, моя совесть пыталась зацепиться за какой-то якорь, чтобы помешать мне сделать то, что я сделал.

Мои глаза оторвались от холодильника, опустились на пол, а затем на нее.

Сначала я отметил общую форму ее тела, когда она уходила от меня.

Мама была не очень высокой, но я не думаю, что она достаточно маленького роста, чтобы считаться миниатюрной.

Я, конечно, уже знал, что у нее каштановые волосы. Обычно они обрамляли ее лицо распущенными локонами, доходившими до плеч, но накануне вечером они были туго уложены и в настоящее время немного растрепались.

Я также знал, что у нее большие карие глаза; они всегда заставляли меня думать о лете. Она была счастливее всего в это время года, и ее глаза, казалось, загорались, когда на нее светило солнце.

Но я был знаком с этими особенностями всю свою жизнь, наряду с высокими скулами, маленьким носиком (папа дразнил ее, что он был украден у садового гнома), длинной, изящной шеей и полными клубничными губами. То, что у меня - красивая мама, не было чем-то, что стало для меня откровением, но видеть свою мать красивой леди - это совсем не то, что видеть в ней ошеломляюще невероятный кусок задницы...

Именно понимание того, что теперь у нее была еще и классная попка, заставило меня осознать, что я ступаю в незнакомые, зловещие, но, несомненно, сексуальные воды.

У меня была идея, что ее изгибы всегда были на месте, но, возможно, они не всегда были такими выраженными или очерченными, или, может быть, я просто не мог оценить их за ту полупроницаемую завесу семейной неизвестности, которая до сих пор скрывала от меня ее сексуальность.

Она проводила много времени со своим личным тренером, что, как я думал, было хорошей идеей для привлечения потенциальных поклонников, ни разу не подумав о том, какой эффект это могло бы оказать на меня.

Позже, когда замедленное воспроизведение этого стало бесконечно прокручиваться в моем подсознании, цвет и ткань ее халата, как соблазнительный эскиз для видео, на которое мне просто нужно было нажать, снова выводили это на передний план моих мыслей.

Этот изящный, сексуальный темно-бордовый халат, который я не смог бы забыть, даже если бы захотел, был завязан высоко вокруг ее талии, сминая ткань, которая там была стянута вместе. Шелковистый материал быстро расправился, каскадом стекая по ее коже, облекая ее тело, покрывая веером ее стройные бедра и задницу, плотно целуя ее изгибы, прежде чем свободно свисать до колен.

Я почти мог видеть оттенки кожи через несколько прозрачную ткань. Они почти незаметно скользили по ее коже, когда она шла, слегка лаская формы под ними, которые казались одновременно твердыми и мягкими.

Ее врата внезапно стали гипнотизирующими, чего мой мозг раньше не допускал. Она была женщиной до мозга костей и, вполне возможно, идеальным воплощением того, что значит быть женщиной. Она внезапно стала излучать женственность в пробивающем живот, напрягающем член выражении природной сообразительности.

Она была создана для того, чтобы делать с мужчинами то, что она внезапно стала делать со мной, и ее форма затронула что-то первобытное внутри меня, апеллируя к биологическому мандату, отпечатанному в моей ДНК. Она и подобные ей женщины были страховым полисом нашего вида, гарантирующим сохранение человеческой расы в каждом изгибе ее тела и каждом магнетическом покачивании бедер.

Нижняя половина ее фигуры "песочные часы" была более соблазнительной, чем верхняя. Ее высокая талия резко переходила в сексуальные бедра, которые я каким-то образом мог ощущать в своих руках; мои пальцы сжимались в свободные кулаки по бокам, когда я представлял, как держу ее таз между ними.

Ее тугая нижняя часть спины грациозно, но драматично выгибалась, превращаясь в два идеальных маленьких бугорка, которые я в данный момент любовался. Они сидели высоко на верхней части ее бедер, округляясь и укрепляясь позади нее, почти как маленькие овальные полочки, которые слегка подпрыгивали, прежде чем вернуться в исходное положение при каждом ее сексуальном шаге.

Ее попа была создана для медленного, трепетного секса в собачьей позе, и часть меня хотела заняться именно этим, но в основном я фантазировал о том, как это будет на вкус, и как это будет ощущаться на моих щеках, когда я зареюсь лицом в щелку, превращая ее в начинку для маминого сэндвича.

Сочный бугорок влажной плоти, который я видел у нее между ног ранее этим утром, выглядел мягким и гладким, казалось, натертым воском, с намеком на внутренние половые губы, проглядывающие сквозь пухлые бугорки внешних половых губ с обеих сторон. Мне нужно было взять их в рот, и я был уверен, что все это поместится внутри, как половинка персика, если я открою достаточно широко.

У меня потекли слюнки, когда я представил это; ее теплые, скользкие гениталии, по которым стекает ее влага в мое горло, в то время как я жадно сосал и ласкал языком ее пухлый маленький персик.

Будь то спортзал или генетическая лотерея, или сочетание того и другого, она стала самой сексуальной женщиной, которую я когда-либо видел. Вся она покачивалась в медленном, гипнотическом ритме с покачиванием бедер, когда она ускользала от меня, и это было все, что я мог сделать, чтобы не последовать за ней по пятам.

Весь необдуманный и беззастенчивый момент зловещего разглядывания был оформлен в

успокаивающее, голодное желание, и я не собираюсь притворяться, будто я не представлял множество способов, которыми я мог бы войти в нее сексуально, но происходило что-то еще, чего я никогда по-настоящему не испытывал...

Была странная настойчивость, почти потребность в том, чтобы она заметила меня. Мне вдруг захотелось быть рядом с ней, чтобы я мог впитывать сенсорную информацию. Это было так, как будто все мои способности внезапно получили дополнительную задачу в дополнение к своим функциям.

Я хотел почувствовать ее, возможно, сидящей у меня на коленях, просто чтобы я мог почувствовать пространство, которое она занимала в реальности, которую мы разделяли.

Мне нужно было знать, каково ей в моих объятиях, тепло ее кожи и нежность ее хороших пальчиков, прикасающихся к моей шее и лицу.

Я хотел почувствовать, как двигаются ее мышцы под тканью ее одежды, когда она прижимала меня к себе и устраивалась в моих объятиях.

Я хотел видеть, как эти великолепные карие глаза смотрят в мои, и я хотел угадать ее настроение и мысли, изучая выражения ее прекрасного лица.

Я хотел слышать звуки, издаваемые ее ртом во время поцелуев, смеха и шепота, и я хотел вдохнуть ее аромат в свои легкие, узнать, каково это - быть полностью насыщенным внутри и снаружи ее присутствием.

Я просто хотел быть с ней, без границ, и знание того, что это невозможно, внезапно показалось мне невыносимо жестоким.

У меня были пассивные увлечения знаменитостями, но это был первый раз, когда я влюбился в кого-то, кого я действительно знал. Для меня это был новый опыт, и он поразил меня, как пуля, полностью взорвав и искажив мою реальность интенсивностью чувств и запретной природой динамики.

Завеса, которая до сих пор мешала мне видеть ее в таком виде, была сорвана предыдущей ночью в момент безрассудной пьянки, и вместо того, чтобы позволить времени и расстоянию исправить это, я активно разжигал огонь и позволял ему гореть у меня на периферии, чтобы я мог лучше рассмотреть обнаруженное мной совершенство.

Пока я стоял там, наслаждаясь новизной запретного, нефilterованного и утешительного поклонения глазами, которым я занимался с женщиной, которая меня вырастила, я начал осознавать, насколько твердым стал мой член... И это ощущение внезапно сделало все это слишком реальным, лопнув защитный пузырь безразличия, который позволил мне исследовать эти заманчивые, но предосудительные мысли.

Стыд, который я отодвинул в сторону, чтобы принять ее как женщину, отступал, и я внезапно увидел себя чем-то уродливым, чем-то, что я презирал.

Я был ничем не лучше тех парней, которые подружились со мной только для того, чтобы украсть ее трусики, превратив ее в набор хорошо очерченных частей тела, возбуждающих их зарождающееся либидо.

Я позволил себе на мгновение стать таким, как они, и мое сердце внезапно заболело за нее, как много лет назад, когда ее самые интимные предметы одежды были выставлены напоказ,

как трофеи.

На этот раз я был не просто соучастником; я был преступником.

Как раз в тот момент, когда я совершал ее полный осмотр, испытывая отвращение к себе, мама выбрала этот момент, чтобы повернуться и посмотреть на меня...

<http://erolate.com/book/3089/72339>